

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.2>

Вьюшкова Ирина Геннадьевна

Художественное своеобразие поэтического цикла "Шах-мат-ты" О. Н. Гультяевой

Цель исследования - выявить художественное своеобразие поэтического цикла "Шах-мат-ты" из сборника "Крылья" ишимского поэта О. Н. Гультяевой. Научная новизна заключается в том, что впервые целостно осмысливается поэтика цикла "Шах-мат-ты", изучаются особенности творчества регионального поэта. В ходе исследования получены следующие результаты: О. Н. Гультяева наследует классическую традицию, обратившись к мотиву игры в шахматы с целью использования богатства его интерпретаций. Поэт реализует данный мотив в символическом аспекте для акцентуализации трагизма взаимоотношений людей друг с другом, человека и общества и демонстрации вырождения человечности, доброты в мире. Писатель совмещает интимную лирику с философским осмыслением Бытия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 9-13. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

19. Савельева В. В. Жанровое своеобразие прозы У. Тажикеновой. Художественный мир литературы Казахстана. Алматы: Компендиум, 2009. 388 с.
20. Смирнов И. С. Универсальные правила порождения комического дискурса // Russian Literature XX. Elsevier Science Publishers, 1986. P. 159-177.
21. Тажикенова У. Восхождение к Абсолюту. Алматы: Алейрон, 2003. 234 с.
22. Тюпа В. И. Аналитика художественности. Введение в литературоведческий анализ. М.: Лабиринт, 2001. 226 с.
23. Тюпа В. И. Художественный дискурс (введение в теорию литературы). Тверь: Тверской государственный университет, 2002. 80 с.
24. Уваров А. Н. Художественное своеобразие удмуртской сатиры. Ижевск: Удмуртия, 1979. 132 с.
25. Узакбаева Н. Авторская позиция и образ автора в прозе Умит Тажикеновой // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Филология. 2014. № 3 (49). С. 159-161.
26. Хализев В. Е. Теория литературы. Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 2000. 405 с.
27. Эльсберг Я. Отрицательное и положительное в сатире // Искусство и кино. 1953. № 7. С. 45-60.

Peculiarities of the Comical in U. Tazhikenova's Prose

Baktybaeva Annel' Pleumagambetovna, PhD
Asfendiyarov Kazakh National Medical University, Almaty
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
smile_1713@mail.ru

The purpose of the study is to give a comprehensive description of ways for transmitting the comical and its functions in the genre structure of the modern Kazakhstani story, using material from U. Tazhikenova's creative work. Scientific novelty of the research lies in the fact that the Russian-language Kazakhstani writer's prose is for the first time considered through the lens of the comical as an artistic mode. As a result, it was found that, firstly, there is a great variety of types of the comical in U. Tazhikenova's stories – irony, self-deprecating humour, absurd; secondly, a comical situation becomes a key plot development device and a means for creating laughter field of a text; thirdly, a comical detail used in depiction of modern realia or a character description performs a characterising function.

Key words and phrases: U. Tazhikenova; the comical; Russian-language literature of Kazakhstan; irony; absurd.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.2>

Дата поступления рукописи: 07.09.2020

Цель исследования – выявить художественное своеобразие поэтического цикла «Шах-мат-ты» из сборника «Крылья» ишимского поэта О. Н. Гульятеевой. **Научная новизна** заключается в том, что впервые целостно осмысливается поэтика цикла «Шах-мат-ты», изучаются особенности творчества регионального поэта. В ходе исследования получены следующие **результаты**: О. Н. Гульятеева наследует классическую традицию, обратившись к мотиву игры в шахматы с целью использования богатства его интерпретаций. Поэт реализует данный мотив в символическом аспекте для акцентуализации трагизма взаимоотношений людей друг с другом, человека и общества и демонстрации вырождения человечности, доброты в мире. Писатель совмещает интимную лирику с философским осмыслением Бытия.

Ключевые слова и фразы: региональная литература; поэтический цикл; интимная лирика; мотив игры в шахматы; О. Н. Гульятеева.

Вьюшкова Ирина Геннадьевна, к. филол. н.
Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал)
Тюменского государственного университета
wjuschkova@rambler.ru

Художественное своеобразие поэтического цикла «Шах-мат-ты» О. Н. Гульятеевой

Творчество О. Н. Гульятеевой [3; 20] – глубокого и самобытного поэта Тюменской области, с одной стороны, органично вписывается в контекст развития региональной литературы, с другой стороны, явно выделяется из него особым эмоциональным настроением, философским дискурсом, представляя значимое, но недостаточно изученное явление в литературе XXI века. **Актуальность** изучения творчества О. Н. Гульятеевой обусловлена осмыслением процессов, происходящих в литературе Тюменской области, введением в контекст региональной литературы новой персоналии на основе описания художественного своеобразия цикла «Шах-мат-ты».

Для достижения цели были сформулированы следующие **задачи**: определить спектр тем, к которым обращается автор в исследуемом цикле, обозначить особенности изображения образа лирической героини, выявить своеобразие пространственно-временного континуума, охарактеризовать авторскую картину мира.

Методами исследования послужили принципы целостного литературоведческого анализа, мотивного анализа, а также историко-литературный метод. **Теоретической базой** при написании статьи явились работы исследователей региональной литературы: Ю. А. Горюхина [2], С. А. Комарова, О. К. Лагуновой,

З. Я. Селицкой [6], Ю. А. Мешкова [9; 10], Н. К. Пиксанова [13], Л. С. Соболевой [17], Е. К. Созиной [18] и др. В качестве дополнительного материала были использованы сведения из книг «Литература Тюменского края» [7] и «Писатели Тюменской области» [14]. В связи с тем, что объектом исследования является поэтический цикл, были задействованы труды ученых, посвященные этому жанровому образованию: Л. Г. Акопян [1], М. Н. Дарвина [4], Л. Е. Ляпиной [8], О. В. Мирошниковой [11], О. В. Никандровой [12], В. А. Сапогова [15], З. Я. Селицкой [16], И. В. Фоменко [19].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в практике вузовского и школьного преподавания курса литературы при изучении региональной ее части, а также в спецкурсах по творчеству писателя.

Концепция творчества О. Н. Гультовой сложна и неоднозначна, она совмещает философский аспект с интимной лирикой. В ее творчестве предстает своеобразная модель мироздания, в котором живет, мучается лирическая героиня. Цикл «Шах-мат-ты» входит в сборник «Крылья» и состоит из 13 стихотворений. Ведущим в цикле является мотив игры. Данный мотив весьма характерен для русской литературы, претворившись в творчестве классиков в мотив карточной игры: А. С. Пушкин «Пиковая дама», Н. В. Гоголь «Игроки», Л. Н. Андреев «Большой шлем»; игры на деньги в казино – Ф. М. Достоевский «Игрок»; шахматной игры – А. С. Пушкин «Евгений Онегин», Л. Н. Толстой «Война и мир», М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия»; в поэзии – Б. Л. Пастернак «Марбург», А. Вознесенский «Ход конем», Е. А. Кацуба «Индийская защита», К. Кедров «Шахматная симфония» и др. Как отмечает Е. Р. Иванова, тема шахматной игры модифицируется в современном мире, сохраняя при этом неисчерпаемый потенциал интерпретаций. «Символика черно-белых фигур всегда будет востребована как способ философского толкования Бытия» [5, с. 168]. Именно в этом символическом значении разворачивает тему шахматной игры О. Н. Гультова. Требуется комментарий графическое написание названия цикла. С одной стороны, в нем заявлена тема игры в шахматы, с другой – в нем выделено три составляющих: «шах» – ситуация, когда король противника находится под нападением фигуры соперника; «мат» – когда у короля нет возможности уйти от шаха; «ты» – лирический герой (героиня). Следовательно, таким названием цикла писатель акцентирует внимание на взаимоотношениях персонажей, пытаясь выявить причины их глубокой драмы. Надрывно по ощущениям уже первое стихотворение «Дура», открывающее цикл. В нем представлен образ молодой девчонки, которая для всех была изгоем, её называли «дурой», «сумасшедшей», а в ответ слышали лишь ее горький смех. Для всех было забавою осуждать её. Никто не понимал, что смех – это её панцирь, которым она защищается от злобы окружающего мира. Но ночами, когда её никто не видел, сердце её рвалось наружу, спасением для нее была свобода, смысл жизни она видела не в накоплении богатств, не в наградах, не в просьбах о пощаде, обращенных к Богу, а в смирении, помощи животным, жизни в гармонии с природой. Во второй части, обозначенной противительным союзом «но» и состоящей всего из двух строф (в отличие от первой – самой большой – 8 строф), лишь прозаично сказано об исчезновении странной девчонки, от которой осталась только иконка с изображением Девы Марии с ребенком на руках. В третьей части – итоговой (обозначенной противительным союзом «а») – происходит прозрение людей (собираемый образ которых подан как сема «город»). Вместе с пением и смехом девчонки город лишился души, жизни, поэтому в обрисовке города преобладает серый цвет: день серый, закат серый и как итог – город превращается в гранит: «Не цена души злата, / Он в гранит превратился» [3, с. 51].

В стихотворении «Просто пешка» образ шахматной партии использован поэтом в символической функции с целью демонстрации того, что, несмотря на распределение ролей (как в шахматной партии) – пешки, Короли и Королевы, держащиеся за свои короны, в жизни может случиться судьбоносный волшебный шанс, и любая пешка, «если воля к победе горит в жарком сердце смело» [Там же, с. 52], может, смешав ряды, стать Королевой.

В стихотворении «Твой крест» раскрывается тема Креста, который дается каждому человеку по его силам. Образ лирической героини – женщины, матери – представлен в трагическом аспекте. Сначала её оставляет любимый мужчина с двумя детьми на руках, поэтому всю любовь она направляет на воспитание двух сыновей. Но потом поочередно она теряет и своих детей: «Эту боль ни понять, / Ни осмыслить нельзя» [Там же, с. 53]. Возникает образ черного ворона, в которого превращается мать, горе которой неутешно, в результате претворяясь в её крик, обращенный к Богу: «Боже, ты мне ответь – / Может, жизнь – это бред, / А любовь – это смерть? / Что ж тяжёл так твой крест? / Сил нет больше нести!» [Там же, с. 55]. Не получив ответа, она вновь смиряется. Её смирение выражается единственным словом «Прости...». Тема черного рока, преследующего женщину, звучит в тексте. Понять драму женской судьбы помогает контраст «черного» и «белого» цветов. «Черный ворон», «Черный порог» (в прямом смысле – черный от пожара, в переносном – от горя); «Белый снег... Белый свет... / Вот и кончилась жизнь» [Там же]. Завершается стихотворение образом «черного ворона» – очередного предвестника бед, который вновь появляется уже в следующем стихотворении цикла «Деревня», продолжая развивать тему «Судьбы – мачехи» на примере одной «деревеньки», «деревнюшки», а поэт именно так называет её, выражая тем самым свое трепетное отношение к ней и грустя по поводу того, что происходит её вырождение – осталось «семь домочков всего» [Там же, с. 56]. В этой деревеньке «Словно Богом заброшены, доживают свой век» [Там же] бабушки древние, у которых нет сил ни огород прополоть, ни дров нарубить. Их дети с внуками находятся в городе и совсем забыли о своих матерях. Так постепенно к теме рока добавляется тема утраты памяти, исчезновении добра и милосердия, в то время как бабушки не ропщут, они смиренно принимают «свой крест», ставят свечи Богу, поют песни, но финал предreshен: «За деревней, над кладбищем, / вновь кружит вороньё» [Там же].

В стихотворении «Свои игрушки» звучит тема поколений. Поэт размышляет о разнице воспитания мальчиков и связывает это с ценностным изменением игрового потенциала. Точнее, игра осталась прежней –

«войнушка», но изменились условия. Мальчишки прошлого века играли на воздухе, строили снежные крепости, спасали из плена и мечтали быть военными или космонавтами. Мальчишки XXI века погружены в виртуальные игры, благодаря наличию компьютеров и телефонов. Поэт обозначает значимую проблему современности – подмену реального мира виртуальным, вырождение совести: «Мой Бог, дай им встретить судьбу достойно, / Чтоб совесть у них не играла в прятки» [Там же, с. 57], а также пытается предостеречь и спасти, по возможности, от вражды бесплодной. О. Н. Гультяева акцентирует общемировую проблему – бессмысленной вражды, корни которой уходят в виртуальные игры.

Тема города звучит в двух последующих произведениях цикла «**Черный город**» и «**Карниз**», в которых наблюдается следование поэтике экспрессионистов. Лирическая героиня верит в многоцветие жизни, отрицая существование черных городов. Черный цвет – это цвет смерти, беды. Но порой продажность, подмена правды кривдой приводит к тому, что исчезает из города пение птиц, а в облаках возникает видение Божьей Матери, горько оплакивающей происходящее. Но оказывается, что черный не только город, но и век, и человек, и ветер – отсюда войны, смерть, красный цвет крови. И только Богородица пытается пальмовою ветвью разогнать этот морок: «Что опутал сетью беспамья / Тех, кто предал их. Сорок раз по сорок» [Там же, с. 58].

В стихотворении «**Карниз**» возникает образ города-монстра (бетонного, каменного), равнодушно взирающего на очередную жертву, ступившую на карниз. Человек, доведенный до отчаяния, оставив за тонкой дверью страхи, решился нарушить все рамки, устремляясь ввысь. Человек из пространства горизонтальности (земной уровень) делает рывок вверх к небу (намечается вертикаль мироздания), чтобы затем низвергнуться вниз – в бездну. Карниз в данном контексте – граница, предел земной жизни того, кто перестал жалеть о том, что он существо с человеческим обликом, устал от равнодушия окружающих людей (ср. Л. Н. Андреев в прозе воплотил подобную проблему в произведении «Город»). И человека можно было бы спасти от падения на дно серым осколком, но: «Каменный монстр, равнодушный к любым проблемам, / Ждёт, притаившись, того, кто придёт на карниз» [Там же, с. 59].

В двух последующих стихотворениях цикла О. Н. Гультяева обращается к женским образам Золушки и Русалочки, но разрушает при этом законы сказочного мира, где обычно добро побеждает зло, все счастливы и любимые воссоединяются. В произведениях поэта, напротив, акцент сделан на боли, надрыве, отчаянии героинь, покинутых своими возлюбленными. Стихотворение «**Золушке**» является своеобразным предостережением всем наивным девушкам, верящим или мечтающим о принце. Принц, по мнению автора, никогда не выберет девушку без имени. Возвращенный по меркам меркантильного века, он будет искать богатую: «Денег не может много быть, / Так что деньга к деньге» [Там же, с. 60], в то время как Золушка ожидает его, веря в любовь. Данный текст интересен в плане построения. Оно состоит из череды вопросов к Золушке, но отвечает на них сам автор послания, который сочувствует своей героине, зная печальный финал. Он называет её «девочка», «милая», понимая, что её детскую наивность трудно переломить: «Сердце разбито смолоду... / Верить в любовь? Ну, верь...» [Там же, с. 61]. Образ хрустальной туфельки в данном контексте символизирует хрупкость придуманного Золушкой мира, а лестница является своеобразной границей двух несоединимых миров: богатых и бедных. Продолжение темы призрачной любви обнаруживаем и в стихотворении «**Русалка**». Первая часть этого стихотворения очень поэтична. В ней главный герой приручил постепенно, обаял Русалку. Он называл её «Бесконечной Вселенной», вставал на колено, дарил цветы и даже просил у Бога «Быть с любимой рядом» [Там же, с. 62]. Героиня морского пространства влюбляется в земного жителя. Это пересечение живых существ разных пространств ночью порою, растворение их в чувстве любви казалось возможным, но «счастье только в начале». Во второй части стихотворения, озаглавленной противительным союзом «но», представлено крушение иллюзий героини: любимый просто больше не пришел к пенным вратам. Всё, что осталось ей – плакать и молить о новой встрече (возникает образ звездных мостов, создающих вертикаль мироздания, к которым обращается с просьбой о встрече героиня). Сказка любви, к сожалению, обернулась болью и разлукой. Резюмирующе звучит авторский голос в финале: «Да, любви слепоты / Время точно не лечит» [Там же, с. 63].

В большинстве стихотворений цикла главной героиней является либо женщина, либо появляются два героя «он» и «она», и только в двух произведениях – «**Клоун**» и «**Зверь**» – героем становится мужчина. В первом стихотворении – это клоун, выступающий перед толпой. Все привыкли воспринимать его стереотипно как весельчака, глупого шута, на лице которого всегда улыбка. И эта маска так приросла к нему, что все перестали видеть в нем живого человека, у которого есть сердце, разрывающееся от боли, а за маской, нарисованной на лице, текут слёзы, которые никто никогда не увидит, потому что он их вновь, выходя на сцену, спрячет. Во втором стихотворении появляется образ смелого дрессировщика, решившего, что он приручил зверя, с которым долго работал, но его убеждения оказываются ошибочными, потому что он плохо изучил природу зверя, за что в результате и поплатился. Если в стихотворении «Клоун» противопоставлены клоун и толпа, то в стихотворении «Зверь» – человек и зверь. Никогда не будет между ними взаимопонимания по причине того, что зрители требуют «Хлеба и зрелищ», а зверь лишь на время затаил свое звериное начало, спрятав в зрачках ярость, сносил удары стойко, чтобы в момент, когда человек решил, что он укротил дух зверя, отплатить ему так, что «не поможет уже и ветка» [Там же, с. 64].

Завершается цикл двумя стихотворениями «**Мой король**» и «**Моя королева**», которые интересны тем, что вновь возвращают нас к теме шахматной игры, представляя при этом своеобразный диалог Королевы и Короля. В концепции Королевы, несмотря на величие, они – пара марионеток, причем несвобода Короля обратна главенству. И хотя у Короля в шахматной партии мощная защита, никто не спасет его. По мнению Королевы, нужно встречать опасность лицом к лицу: «Жизнь – не пешка, она не пойдет к тебе на поклон. / Иногда Королю лучше смерть принять как награду» [Там же, с. 65]. Королева, понимая, что в мире нет

бесконечного счастья, что в трудные моменты не помогут ни Отче небесный, ни Божья Матерь, словно призывает Короля остановиться, задуматься, демонстрируя своим примером, что она стояла насмерть, чтобы он жил.

Но Королю, увы, не нужна была такая жертва Королевы. Он – вершитель судеб, Королева обязана была прощать ему его капризы, фавориток, быть верною Амазонкою, а когда её место освободилось, он стал готовить трон для новой Королевы. Равнодушием и безжалостностью звучат слова Короля: «Ты прости, Королева, но в сердце моем тепла / Нет и не было – там темнота, безразличие, схрон» [Там же, с. 66], завершая данный цикл пессимистично.

Подводя итоги исследования, мы пришли к следующим **выводам**: цикл «Шах-мат-ты» в творчестве О. Н. Гульятеевой представляет уникальное явление с точки зрения его художественного своеобразия. В нем писатель обращается к осмыслению традиционных для русской литературы, «вечных» тем: рока, Судьбы, крестной ноши, поколений, города, любви, реализуя их через образ шахматной игры. Символизация этого образа позволяет художнику акцентировать важную проблему современности: глобального равнодушия людей друг к другу, подмены духовных ценностей материальными. В результате в отдельных текстах поэтика ее стихов начинает сближаться с поэтикой экспрессионистов («Черный город», «Карниз» и пр.). Лирическая героиня в данном цикле многолика: «дура» («Дура»), пешка («Просто пешка»), обреченная женщина, мать («Твой крест»), золушка («Золушке»), русалка («Русалка»), королева («Мой король», «Моя Королева»). Но все эти образы объединены трагическим мироощущением, обусловленным либо человеческим неприятием, либо предательством, либо смертью детей, либо утратой любви. Пространственная картина мира в стихах О. Н. Гульятеевой реализуется в большинстве случаев в горизонтальной плоскости (земного уровня), хотя не конкретизируется, принимая формы деревеньки, города, либо символически трансформируется в пространство шахматной доски. Лишь в отдельных эпизодах есть точечные намёки на выход в инопостранства: виртуального мира («Свои игрушки»), инфернального мира (упоминание кладбища – «Деревня»), обращение к образу Русалки – «Русалка»), – порыв устремления к небесной сфере («Карниз»). От структуры пространства неотделима структура времени. Время представлено оппозицией «настоящее – прошлое», присутствует календарное время, осень, зима, подчеркивается быстротечность времени.

В целом, в стихах цикла явлена полная драматизма авторская картина мира, в котором процветают равнодушие, жестокость. Стихи О. Н. Гульятеевой заставляют задуматься о том, что ждёт человечество впереди.

Творчество О. Н. Гульятеевой *перспективно в плане дальнейшего изучения* в аспекте выявления в нем литературных традиций.

Список источников

1. Аюбян Л. Г. Лирический цикл как тип текста // Семантические и коммуникативные категории текста (типология и функционирование): тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (19-21 ноября 1990 г.). Ереван: Изд-во Ереванского гос. ун-та, 1990. С. 28-39.
2. Горюхин Ю. А. Попытка индифферентного комментария // Бельские просторы. 2005. № 3. С. 197-198.
3. Гульятеева О. Н. Крылья. Новокузнецк: Союз писателей, 2014. 116 с.
4. Дарвин М. Н. Художественная циклизация лирических произведений. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 39 с.
5. Иванова Е. Р. Своеобразие темы шахмат и шахматной игры в художественной литературе // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 1. С. 165-168.
6. Комаров С. А., Лагунова О. К., Селицкая З. Я. Изучение литературы в региональном аспекте: учеб. пособие. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2011. 192 с.
7. Литература Тюменского края: книга для учителя и ученика / под ред. Н. А. Рогачевой. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.
8. Ляпина Л. Е. Проблема целостности лирического цикла // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. Донецк: ДГУ, 1977. С. 164-166.
9. Мешков Ю. А. О поэтах хороших и разных: Очерки. Портреты. Заметки. Екатеринбург: Сократ, 2000. 224 с.
10. Мешков Ю. А. Очерки литературы сибирского Зауралья (тюменские тетради). Тюмень: Тюменский издательский дом, 2010. 400 с.
11. Мирошникова О. В. Анализ и интерпретация лирического цикла: «Мефистофель» К. К. Случевского: учеб. пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. 138 с.
12. Никандрова О. В. Лирическая циклизация в аспекте исторической поэтики (на материале русской поэзии XVIII-XX вв.): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2009. 27 с.
13. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: историко-краеведческий семинар. Введение в изучение темы для культурно-краеведных работ, систематическая библиография, руководящие вопросы. М. – Л.: Государственное издательство, 1928. 148 с.
14. Писатели Тюменской области: библиографический указатель. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988. 112 с.
15. Сапогов В. А. Сюжет в лирическом цикле // Сюжетосложение в русской литературе. Даугавпилс: ГПИ, 1980. С. 90-97.
16. Селицкая З. Я. К вопросу о соотношении книги стихов и лирического цикла (С. Клычков «Песни») // Сюжет и художественная система: межвуз. сб. науч. тр. Даугавпилс: Даугавпилс. пед. ин-т, 1983. С. 145-151.
17. Соболева Л. С. Концепт «культурное гнездо»: возврат из забвения // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации: материалы Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 25-27 марта 2010 г.). Новосибирск, 2010. С. 253-259.
18. Созина Е. К. Введение // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв.: коллективная монография / отв. ред. Е. К. Созина. Екатеринбург: УрО РАН; Союз писателей, 2006. С. 5-20.
19. Фоменко И. В. Цикл стихотворений А. Блока «Пляски смерти»: заметки к интерпретации // Вопросы романтического миропонимания, метода, жанра и стиля: межвуз. темат. сб. науч. тр.; отв. ред. Н. А. Гуляев. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1986. С. 57-70.
20. Электронная библиотека тюменского писателя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.writer-tyumen.ru/index.php?m=autor&aid=119#> (дата обращения: 25.08.2020).

Artistic Originality of the Poetical Cycle “Shakh-mat-ty” (“Chess”) by O. N. Gulyaeva

Vyushkova Irina Gennadievna, PhD

P. P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University
wjuschkowa@rambler.ru

The paper aims to reveal artistic originality of the poetical cycle “Shakh-mat-ty” (“Chess”) from the collection “Wings” by the Ishim poet O. N. Gulyaeva. Scientific novelty of the study lies in the fact that the researcher for the first time analyses the “Shakh-mat-ty” poetics, examines specificity of the regional poet’s creative work. The research findings are as follows: O. N. Gulyaeva continues the classical tradition, she appeals to the motive of chess playing because of its rich interpretative potential. This motive acquires symbolic realization and serves to emphasize tragedy of social and personal estrangement, to accentuate the problem of devaluation of humanistic values. Intimate lyrics are in tune with philosophical interpretation of Existence.

Key words and phrases: regional literature; poetical cycle; intimate lyrics; motive of chess playing; O. N. Gulyaeva.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.3>

Дата поступления рукописи: 15.10.2020

Цель исследования – выявить специфику прозы малоизученной писательницы XX века Л. А. Будогоской. В статье рассматриваются ключевые произведения автора, посвященные «школьной» теме: «Повесть о рыжей девочке», «Познакомились», «Нулевки». Основное внимание уделяется взаимодействию детей разного возраста и социального статуса, степени влияния внешних факторов на изменение мировосприятия подростка, роли педагога в жизни учащегося начальной и средней школы. **Научная новизна** работы заключается в подходе к изучению произведений прозы Л. А. Будогоской с точки зрения своеобразия проблематики. **В результате** проанализированы трудности, с которыми сталкивается герой-школьник при интеграции в общество.

Ключевые слова и фразы: русская детская литература; Лидия Будогоская; проза; самоидентификация школьницы.

Золотухина Анастасия Владимировна, к. филол. н.
Российский университет дружбы народов, г. Москва
romashka9206@mail.ru

Самоидентификация школьницы в прозе Л. А. Будогоской 1930-1940-х годов

Актуальность исследования объясняется непреходящим интересом литературоведов к вопросам истории возникновения и развития детской литературы вообще и образу героя-ребенка в частности. В контексте развития отечественной детской словесности XX столетия проза Л. А. Будогоской занимает особое место и конкретно – недостаточной изученностью произведений некоторых авторов XX века. Характерными особенностями творчества Л. А. Будогоской являются автобиографичность, интерес к психологии героя-девочки, вопросам самоидентификации и факторам, влияющим на мировоззрение ребенка. Разумеется, детская литература – частый предмет исследований теоретиков; но каждый интерпретирует ее явления по-разному, часто не уделяя внимания малоизвестным писателям и особенностям произведений, не получивших широкой известности у публики, но оставивших след в историко-литературном процессе. Поэтому рассмотрение специфики прозы Л. А. Будогоской является весьма нетривиальным и представляет существенный интерес для литературоведов и педагогов.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, определить основные темы творчества Л. А. Будогоской; во-вторых, прояснить степень влияния особенностей предыдущих периодов русской детской литературы на характеры героев в произведениях писательницы; в-третьих, выявить традиции и новаторство в творчестве Л. А. Будогоской.

Для осмысления взглядов прозаика и приемов, используемых в раскрытии темы самоидентификации ребенка, в статье применяются следующие **методы исследования**: герменевтический и метод контент-анализа. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание идейно-тематического своеобразия прозы Л. А. Будогоской.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных критиков, публицистов, а также ученых, посвященные истории российской литературы для детей и юношества XX века: И. Черноусовой, О. Кошелевой, И. Арзамасцевой, Л. Кона, И. Лупановой, К. Кид (K. Kidd), К. Рейнолдс (K. Reynolds).

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемая в статье тема самоидентификации ребенка в творчестве Л. А. Будогоской может быть использована в педагогической деятельности для усовершенствования образовательного процесса. Кроме того, результаты исследования будут иметь практическое значение в ходе дальнейшего научного изучения истории отечественной словесности, в практике школьного и вузовского преподавания литературы, в написании учебников и учебно-методических пособий.